

СУПЕРМАРКЕТЫ НАЧАЛА ПРОШЛОГО СТОЛЕТИЯ

МАГАЗИН В ОЛЛИЛА

Магазин в Оллила был основан в 1912 году вместо прежнего русского магазина у шоссе Выборг-Райайоки. От магазина до государственной границы по шоссе было 4 километра, а до центра Терийоки – 14 км. Селение Оллила было самым маленьким в общине Терийоки, но это был международный и своеобразный поселок. Среди финнов Перасто, Веалайненов, Рейникайненов, Скютти, Химаненов, Хуумоненов и Корхоненов в мире и согласии жили Груни, Кухни, Винклеры, Мейеры, Хартвиги, Степановы, Богдановы и другие русские эмигранты, поселившиеся на финской стороне.

Магазин представлял собой двухэтажное деревянное строение. На нижнем этаже был магазин с внутренними складами, а на верхнем – жил заведующий магазином. Со стороны двора строение продолжалось с левого торца длинной пристройкой. Там находились внешний склад, дровяник и погреб. С

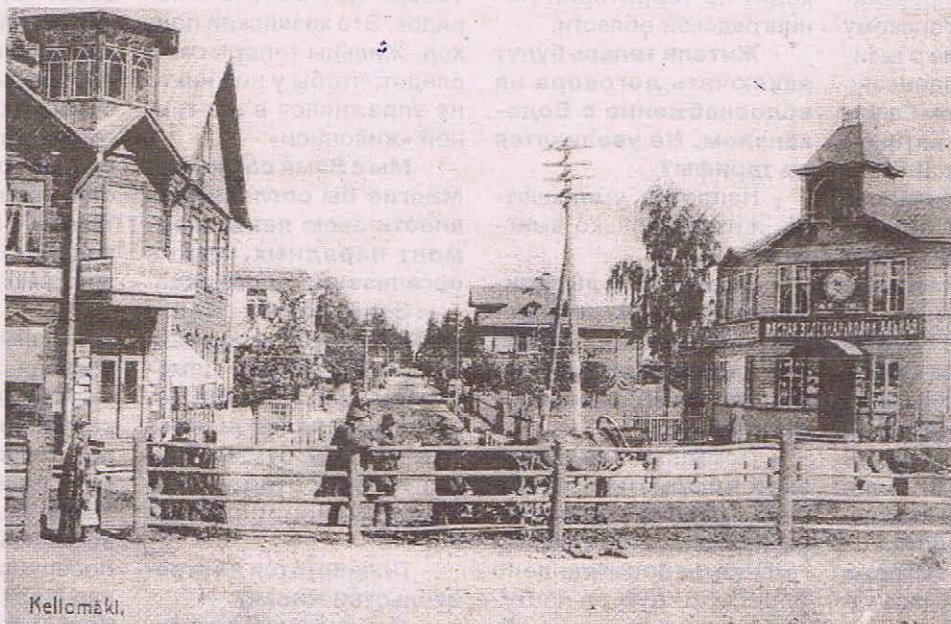
другой стороны торгового помещения находился обветшалый двухэтажный дом. В то время, когда здесь был русский магазин, там действовала пекарня и жили рабочие магазина. В правом углу двора в 30-х годах была построена баня.

В магазине селения Оллила мука, крупа, сахар и кофе хранились в матерчатых мешках на полу, откуда продукты черпали в бумажные пакеты в нужном покупателям количестве. Карамель была в больших стеклянных и жестяных банках, как и печенье и тому подобное. Масло и другие жиры, колбаса и сыр хранились

С началом XX столетия на Карельском перешейке развиваются кооперативы, в том числе и торговые. Это имело большое значение в качестве основного фактора экономического развития.

В трудных экономических условиях даже кооперация не всегда помогала. Многие магазины, с энтузиазмом основанные, приходилось закрывать. Оказавшиеся в затруднительном положении кооперативы объединялись. Тогда уже легче было справиться с трудностями. Однако бывали и банкротства.

О том, как была организована торговля в нашем районе в начале прошлого столетия, мы узнаем из воспоминаний финнов, живших в этих краях. Перевод Александра Молчанова.

открыто на льду в погребе. Сельскохозяйственные и строительные товары, а также машины и всякие устройства хранились на внешнем складе. За подвозку товаров от главного склада или от станции Терийоки отвечал конюх-возчик Калле Берниц.

Мой отец Хейкки Хотиа работал завмагом Оллила в 1922-35 гг. По преданиям, фамилию Хотиа он приобрел путем изменения на финский луд истинной фамилии Ходеев. Причем, по всей видимости, предки его были корабельниками. Вначале он вел дела один. По необходимости, ему помогала моя мать. Насколько помню, в начале

30-х годов в магазине постоянной помощницей была соседка Айли Химманен. Потом, с увеличением продаж появился и другой помощник – Топпи Оллила из Куоккала.

У лестницы, ведущей на верхний этаж, было окошко, через которое было видно все торговое помещение. Через него нам, детям, интересно было наблюдать за всем, что происходило в магазине. Действительно, веселых, разговорчивых и своеобразных покупателей всегда было достаточно. Самым веселым и, во всяком случае, самым голосистым был господин Бренев – русский юрист, агроном и физиолог, который с закры-

тием границы захотел остаться здесь, чтобы возделывать участок земли, купленный им, заниматься животноводством и пчеловодством. Когда Бренев приходил за покупками, это было хорошо слышно во всем доме. Его громкий бас сопровождался таким смехом, что его, наверное, слышали на горе, где располагалась народная школа. Бренев интересовался финской кооперацией, что бурно обсуждалось в магазине и после его закрытия с мужчинами селения.

В начале 30-х годов в Оллила переехала семья шведского консула Георга Нюстрема. Сам он жил и работал в Москве, но захотел, чтобы семья его жила на финской стороне. Приезжал примерно раз в месяц, и тогда производил оптовые покупки в магазине Оллила. Закупки всегда производились по воскресеньям, когда в магазине было спокойно. Тогда мы, трое детей, сидели, прижав носы к стеклу. Забавно было узнавать, что опять понадобилось в Москве. Окно на

лестнице вполне заменяло нам кинотеатр, которого в Оллила не было.

Официально, временем работы магазина считалось с 8-ми утра до 8-ми часов вечера по 6 дней в неделю. Иногда мне казалось, что торговля шла постоянно. Часто у хозяйек кончалась мука при стряпне, у мужчин гвозди или краска, когда магазин уже был закрыт. Тогда они стучали в заднюю дверь, и товар отпускался. Хорошо помню день, когда в дверь моего жилища постучали. В дверях стоял мой учитель математики Хаарамос с веселой компанией. Посреди воскресной автомобильной поездки у них закончилось

курево. И я, 13-летняя школьница, сходил за необходимым товаром для учителя, который в школе уверял, что курить вредно.

Своеобразным ритуалом была упаковка купленных товаров. Покупка красиво заворачивалась продавцом в бумагу, перевязывалась веревочкой. Тонкой или толстой, в зависимости от величины и веса пакета. К концу ее привязывалась деревянная палочка, чтобы сверток было легко нести. Как еще изящная эмигрантка могла бы нести свои покупки домой? К тому времени слуг в семьях уже не было, как не было и пластиковых сумок.

В магазине не было никаких конторских машин, если не считать таковыми общепотребительные счета. Товар взвешивался в магазине на столовых весах (ноккаваака), а во внешнем складе на десятичных весах (кьюмменюсваака). Подсчет кассы по вечерам занимал много времени. Кроме подсчета денег, подсчитывалась стоимость нумерованных талончиков, и она сравнивалась с денежной суммой и величиною ее на прошлый вечер. Так выяснялась дневная продажа и точность подсчета.

Для детей персонала Кооперативного предприятия Карельского перешейка (КОПП) организовывали Рождественский праздник (пиккуйоулу) в Терийоки. Поезд нам, детям, был не чуждым средством передвижения, но поездка поездом на «пиккуйоулу», конечно же, увлекала. На «пиккуйоулу» мы могли насладиться постановкой и пообщаться с Дедом Морозом (йоулупукки), который привозил каждому ребенку подарок (йоулупусси). Тогда и маленькие радости казались великими.

Как-то раз мы опоздали на поезд, и такой был плач у нарядившихся на торжество детей, что отцу не оставалось ничего другого, как взять у соседа лошадь, на которой мы тогда тряслись 14 километров до Терийоки. На праздник мы попали, даже к началу успели.

В сентябре 1935 года Хейкки Хотила был переведен за-

ведовать магазином в Парккила, который находился в окрестностях деревни Кююреля волости Муола у шоссе Кивеннапа-Выборг. Строение это явно меньшее, чем в Оллила, но более современное, и строилось именно как магазин. Хейкки Хотия был здесь завмагом до 2 декабря 1939 года.

В первый день войны поздно вечером я приехала домой в Парккила на велосипеде со станции Перкьярви, где была по вопросам снабжения. Вся семья уже была эвакуирована. Дома был только отец, а брат мой работал практикантом в магазине Перкьярви. К моему большому удивлению, отец вдруг расплакался так горько, что некоторое время не мог ничего сказать. Этот плач не был связан с предстоящим отъездом и неопределенностью, а был горьким прощанием со всей прежней жизнью, которая оставалась здесь, и никогда больше не вернется.

Нина Хотия

МАГАЗИН В КЯКЕСЕНПЯ

Историческая справка: Кякесенпя – историческое название части Терийок, расположенной западнее современных улиц Мира и Широкой, протянувшейся до посёлка Ушково.

Виертотие – буквальный перевод с финского языка – большая дорога. Финны называли Виертотие главную улицу Терийок, которая представляла собой нынешний проспект Ленина и часть Приморского шоссе от пр. Ленина до пос. Ушково.

Магазин, о котором пойдет речь далее, находился на берегу ручья, протекающего у Санатория «Северная Ривье-

Бакалейная лавка

ра», на участке между Финским заливом и Приморским шоссе.

Кооперативное Предприятие Перешейка, магазин №7, Кякесенпя – таков был служебный почтовый адрес Вилле, Майю и Мирьям Саарикиви с мая 1921 года по конец октября 1936 года. Вилле Саарикиви был заведующим магазином в Кякесенпя и отцом Мирьям Нурминен, написавший эти строки.

Отец, родившийся в 1883 году в Беломорской Карелии, начал свою торговую карьеру 14-летним носильщиком у бродячего торговца. В начале века он учился в торговой школе в Котке, а во втором десятилетии прошлого века был заведующим магазином в Карвала, кооператива Кивеннапы. Деревня переживала очень беспокойные времена. Склады магазина поочередно опустошались то красные, то белые...

Вследствие такой обстановки Вилле Саарикиви переехал в Кухмонниеми, – ныне Кухмо. Другой причиной было то, что жене и дочери периодически приходилось прятаться в печи от шальных пуль.

Чем занимался отец в Кухмо мне доподлинно не известно, хотя мать рассказывала, что он был министром финансов Временного правитель-

ства Беломорской Карелии. Знаю только, что по служебным делам он ходил на лыжах в Беломорскую Кемь, куда путь только в один конец был почти 200 километров.

На Карельский перешеек Вилле Саарикиви с семьей вернулся в 1921 году в Кякесенпя, где стал заведующим магазином. Жена, родившаяся в Лаукаала, стала его помощницей. Самого раннего времени со дня переезда я не могу вспомнить, но хорошо помню деревню, сваленные бурей 1924 года. Буря была, действительно, ужасная. Волны, говорят, достигали 4-х метров. С тех пор маленькая, светловолосая девочка все время находилась в торговой среде, все подмечая.

Участок магазина пересекался текущим к морю ручьем, летом пересыхавшим, а весной и осенью полноводным. Через ручей вел мостик, рядом с которым был родничок, оформленный как колодец. В передней части двора был другой колодец, вода из которого использовалась для хозяйственных нужд. Двор был опрятный. Мы с отцом постоянно очищали его граблями. Цветущие ноготки окаймляли каждый год проход от магазина к Виертотие.

Мирьям Нурминен
(Продолжение следует)